

«За босоножием Ф. Сологуба в том же сборнике – “дубоножие” героев Алексея Ремизова. Здесь вновь и вновь разворачивается перед вами драма большого таланта, задыхающегося под гнетом мучительных кошмаров. Здесь немногие “*incida intervalla*” сменяются каким-то безумием отчаянья и беспросветности. Яркие, сильные ремизовские слова, от которых так и пахнет почвой, а рядом какие-то судороги мыслей и слов. Множество лиц наплывают, как во сне, без связи, без смысла... А когда вы отрешитесь от всей этой кошмарной путаницы и немного разберетесь, перед вами – новый “городок Окуров” или Студенец, а в нем – новый Кожемякин, – следователь Бобров, летописец Студенца и всей России. Только летопись Кожемякина была написана слезами любви, а “временник” Боброва написан желчью ненависти. Целые страницы посвящены преступлениям проклинаемой России и проклинаемого народа и написаны слогом газетного фельетона, а за этими страницами – опустошенность души. Фигура Боброва, захотевшего в бесправной, молчаливой стране водворить законность и увидевшего всю тщету, всю никчемность своей работы была бы трагична, если бы художник внес в обрисовку ее больше простоты. Городок написан местами по-гоголевски ярко, с гоголевскими оборотами и гоголевскими описаниями. Но нет в смехе А. Ремизова отрады, мучителен этот желчный смех, мучительны кошмарные образы А. Ремизова».